

Лазарь Соколовский

*Дышащий
КОСМОС*

Лазарь Соколовский

Дышащий космос

«Издательские решения»

Соколовский Л.

Дышащий космос / Л. Соколовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833376-7

Стихи Лазаря Соколовского — своеобразный дневник мыслителя, на страницах которого он размышляет, спорит, ищет ответы на вечные вопросы.

ISBN 978-5-44-833376-7

© Соколовский Л.
© Издательские решения

Содержание

Перекличка	6
Жизнь деревьев	8
Июльская гроза	10
Попытка вести	12
Предисловие	12
I	15
II	17
III	22
IV	25
V	28
Послесловие	31
Еврейская баллада	32
К хаосу	34
Вторая половина	36
Рефрены	38
Дышащий космос	40
21-е января того года	42
По следам пилигримов	44
I	44
II	46
III	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дышащий космос

Лазарь Соколовский

© Лазарь Соколовский, 2016

ISBN 978-5-4483-3376-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перекличка

Душный июль. Комариные сумерки. Пусто...
Словно на суше русалкою бить плавником.
Солнце сползло с горизонта. Ломает о бруствер
Шаткий прибой свою волю и сходит тишком.

Что-то пробьется сквозь дней уцелевших солому
или захлопнется шторка, замрет объектив?
Стул, как присевший кентавр, погружается в дрему.
Темной стеною крадется какой-то мотив.

Кто же, Катулл, подберет его – музыка скисла,
не принимает ее новоявленный Рим,
даже на Сене, Дунае, на Волге и Висле
только едят да торгуют, и ямба твоим

вряд ли пробиться, ранимая лирика сможет
здесь задохнуться, впервой попадая впросак.
«Брось эту стерву! – подскажут. – Себе же дороже...»
Век примитива – пивка бы... Сплошная попса.

Вот и не пишется. Нет озорного запала.
Ангелы не прилетают, и в гавани спят корабли,
что прорвались из-под Трои. Какие начала
задал Гомер!.. и мы, было, за ними пошли.

Мысли крылатой простор расширялся и крепнул,
полнилась мудрость трагическим женским пластом,
войны теснила любовь, и с космическим ветром
плача Франчески и Данте справлялся с трудом,

в обморок падая... Та же ленивица-лира
не отсыпалась в чехле, даже не усомнясь,
помолодевшая, мчалась за Гете с Шекспиром,
с вами, Катулл, обретая забытую связь,

прерванную фанатизмом святош... Но стихии
взвихренного языка не унять даже им:
переболев у Бодлера с Рембо малярией
духа, чтоб в Лорке с Цветаевой ритмом живым

снова взметнуться на почве распаханной, плотской
в нашей пусть разноязыкой – особой стране,
чтобы сберечь, уходя, Пастернаком и Бродским
прелесть и суетность мира слепого...

Но мне...

мне что досталось в немытой посуде обмена
службы на деньги, а деньги на вещи, когда
нищего нашего действия пустует арена,
ярость толпы и тщеславие цезарей – так, ерунда...

Что пересказывать мастеру – знаешь не хуже:
время все переиначит, скрещеньям дорог
путать пространства и дальше, пусть Рим занедужил,
слово осталось твое – ты-то сделал, что смог.

Я не ропщу, сам же эту неверную выбрал
смутную долю, питаюсь от ваших корней,
так уж сложилось – вдали от тревожного Тибра,
тщась не уснуть в обывательских сумерках дней.

Год пролетел... Но терпения хватит едва ли
длить на Онтарио не унывающий рай.
Город налево, где трубы устали сигналить,
прямо и вправо Канады загадочный край.

Что мне до них, когда снова завертит крамола
свой, как у вас, проржавевший пустой детектив
на языке, где упрямо давиться подзолом
в этой игре, где не мертв ты, хотя и не жив.

Но я несу свой огарок, шепча поминутно:
не угасай, я умолкнуть еще не готов
пусть вдалеке от оставленной родины смутной,
где ты любил хоть и стерву – какую зато!

Жизнь деревьев

Жизнь в природе не так уж проста,
как покажется с первого взгляда.
От росточка, затем от куста
встанет дерево, и водопадом

заполощутся листья, ветвей
паутину раскрасивши ярко
от гудящей весны и до дней
тихой осени... Коли насмарку

кружевное с дождями тепло,
снег на крыши хозяином ляжет,
то и здесь естество не ушло —
нет, оно не смутилось и даже

не расслабилось, в почках копя
подсознание нового роста.
Так и нам никуда от себя,
хоть порой развернется непросто

жития-бытия полоса,
где не двинуться дальше передней...
Что же юный мой клен не взялся,
потянувшись к березке соседней

по апрелю? Случайно их свел,
в прошлом августе рядом сажая,
где еще только стволик, не ствол
и не крона – пугливая стая

хрупких былочек... Что он затих,
пятипало сжелтевши по низу?..
Так порою сжимается стих,
и уже никакому капризу

не пробить отчужденности строк,
не раздвинуть сомкнувшихся створок
перламутра. Конечность дорог
подрывает всеилье простора —

целый лес!.. Но из тысяч, из ста
одному оторваться от стада...
Жизнь в природе не так уж проста,
как покажется с первого взгляда:

ускользает, как ниточка, пульс,
что пробился сквозь тьму поначалу...
Чей-то новый потянется путь,
заполняя пустые причалы —

нет в природе изъяна: другим
встать на месте ушедших недавно,
в павших листьях наплачется дым,
семя новое ляжет на равных.

Отчего ж неуютно душе —
вроде, с этим согласен укладом,
но чьего-то не будет уже
ни касанья, ни слова, ни взгляда...

Июльская гроза

Дождь колотит о стекло,
он примчался прямо с ночи
озорным чернорабочим —
чуть всю зелень не пожгло.
Дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло —
так уже жара достала,
из лилового металла
тучи тянут тяжело —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
наконец чего-то смоем
в этом раковом застое,
(вот случится где свезло...) —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
посвежел, налившись, воздух,
государственные звезды
насовсем чуть не снесло —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
будто кто-то льет из лейки
на трибуны, на скамейки
мавзолеев – ну, пошло!
Дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
еле дышат свечи в храме,
как ни прячься под зонтами,
не спасет ничье крыло —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
серебра в окне полоски,
это молний отголоски,
без цитатников светло —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
позабавимся немножко,
нам храбриться из окошка —

(волю судорогой светло?) —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
стать бы всем как сестры-братья
хоть в недолгой благодати
(время к краю подошло...) —
дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
сыпет громом с небосвода,
словно шанс дает природа —
налегай! крепи весло!
Дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло
на смоленщине, в Небраске,
приобщиться к этой пляске
всем, куда б не занесло!
Дождь колотит о стекло!

Дождь колотит о стекло,
бьет по стенам, бьет по крышам,
спящий мир свободней дышит —
и на этот пронесло...
Дождь колотит о стекло!

Попытка вести (Евангелие от Иакова)

*Я одобряю только тех, кто ищет
стена...*

Б. Паскаль

Предисловие

Мне голос был, или слукавил
подпасок? Берусь за перо.
Две версии – Петр и Павел.
Не выдержал первый, второй —

и не подступиться... А в сумме —
порфир, образа, аналой.
Сказал им лишь: талифа, куми!,
лишь: встаньте, идите за мной!

Как братья сидели вначале
по вечеру, хлеб и вино...
Зачем же в язычество впали,
мол, тело и кровь? Не дано

жить тихим добром? Обезумел
народ, что рожден под плетьюми?
А было лишь: талифа, куми!¹

да будьте вы просто людьми!

Под куполом ангелов пенье
да трон на седьмом этаже —
искусство? тупик? продолжение?
ущерб или польза душе?

Куда вас несет! На полушку
силенок – туда же, в мечи...
Забыли, что Рим не игрушка —
таскайте теперь кирпичи!

Все вам не сидится, евреи,

¹ «Талифа, куми!», что значит: «Девочка, говорю тебе, встань.»(от Марка, 5.41)

на месте: не так, мол, не сяк —
в безбожной чужой Ватанее
толпиться, наперекосьяк

устои привычные, знаков
насилия, гонений не счесть,
и церковь не церковь... Иаков
решался на правую весть,

боясь, как иные пророки,
естественно впасть в перебор,
споткнувшись на притчах... Но сроки
давили и братний укор.

«Все в почву уйдет бестолково... —
так загодя сетовал он. —
Запомни же: главное – слово
надежды, ветшает Закон,

становится утлым корытом,
где все упирается в счет
привычек, отмеренных бытом.
Хотел бы чего-то еще...

Озвучилась самая малость,
да ту перевернут по пути.
Жаль, мне никогда не писалось,
попробуй хоть каплю спасти».

Как будто расписаны роли:
стол ветхий, продавленный стул...
Сил не было, времени что ли —
чего-то тянул да тянул.

Жизнь сходит. Пора за уборку.
Нехитрый он скарб оглядел.
Уж август катился под горку —
что может важнее из дел,

чем отзвук оставить хотя бы
той правды, как утро, простой...
Начетчики воют, что бабы,
тревожа великий покой

блажною своей благодатью,
где всякий скорее артист.
Иаков молился о брате,

что был так пронзительно чист,

наивен, а вызвал стихии,
хотя возратить лишь хотел
заветы Исайи, Илии...
Что ж... выпал обычный удел

быть понятым тоже превратно,
как те, бился о стену лбом,
где мне не по склонности братней
уныло озвучить пером.

Ну, с богом! арбу на подъеме
осаживать тем же плечом.
Мне как-то сказал он: «При доме
мы сами, Господь не при чем».

I

Как странно... не помню начала
той вехи – малец как малец,
мать гукала с ним, пеленала,
всегда был в сторонке отец.

Куда ему: старый, понурый,
все что-то шептал вестаку.
И позже лицом ли, натурой
брат не был в него. Не могу

и слышать о чуде зачатья —
мать только смеялась в ответ.
Не кровные, кровные братья —
да ей что, ей разницы нет.

Конечно, к нему, как меньшому,
на капельку больше склонна.
Родильница бога... по дому
топталась, жена как жена.

Семью не укормишь полушкой
отцовой – работу брала,
да все за плитой, постирушкой —
какие у бабы дела:

уложены дети, у мужа
рубаха к субботе чиста.
Семья как семья, и не хуже
других. Ну, а сказочка та,

что выдал Матфей для приварка
к похлебке дежурных чудес...
На это указывал Марку,
чтоб в детство хотя бы не лез.

Он нет – да, ученая гнида,
Лука разыгрался настоль:
«Мессия! Из рода Давида!»
Еще бы – такая же голь.

Что было тогда в Назарете
святого? Взгляните окрест —
скучища... Обычные дети,

как в тысяче маленьких мест.

И рос он, как все, разве слушать
любил побродяжек из стран
соседних. Имеющий уши
да слышит: пацан как пацан

во всем остальном, и едва ли
уймешь его – слишком горяч!
За шкodu когда и дирaли,
то гордый, не выдавит плач,

читал же не как мы – вприглядку:
отец чуть задремлет, и пусть!
Да книг-то не больше десятка,
он их затвердил наизусть

и спорил от юности с рабби
о сути. Тот, что бы ни нес,
все только по букве, на грабить
грабителя: «Что за вопрос!

Не кради! – почти до икоты.
В народе так шло искони,
особенно, чтоб не в субботу
и в праздники бог сохрани!» —

«Учитель, задачка не в этом —
что если злодея злодей?» —
«Молчи, несмышленьш, есть сети,
в которые лазить не смей!» —

«Но должен же кто-нибудь». – «Кто-то,
кто следом придет, чтоб открыть
в иные просторы ворота.
Куда ты?» – «Учить так учить...»

II

И начал... Сказать: Иоанн
его этой вервью попутал —
скорее набросить туман.
Уж слишком был дик, ни минуты

не мог усидеть, теребя
очески на шерсти верблюжьей.
Так ангелы вряд ли трубят,
хотя их не слышно снаружи.

Пророки, едрит! Этот выл,
тот тряся, а кто и чечеткой...
Креститель, конечно, учил,
да брал-то скорее на глотку,

плюс это купанье... Вода
души не очистит, лишь тело
на малое время. Нужда
в ином – чтоб взлететь захотела.

«Нет, я отпечатаюсь без
спектакля с таким вот подвохом...» —
дней на сорок вовсе исчез,
в ответ лишь, что это эпоха

была для него. «С кем хоть? Где?»
Молчал, надевая обноски
отцовы. «Не лезь, не в воде...» —
упрямо остругивал доски,

и только лишь «марана фа²!»

призывно слетало от двери...
А, может быть, это листва
березы считала потери —

сентябрь уж резвился слегка
веселеньким крапом на кронах.
Привычно держала рука
рубанок. Тогда еще дома...

² «И если кто не любит Господа, то пусть он будет проклят. «Марана фа. Приди, о Господи!»(1-е коринфянам, 16.22)

Чем дальше, теснее ему —
сам вырос ли, притолка ниже?
Однажды спросил: «Почему
здесь время теряю?» — „Но мы же, —

отчаянно всхлипнула мать, —
так любим тебя!“ — „И любите,
но то что я должен отдать...»
Так в нем проявился учитель,

и, значит, пора подошла,
как птиц выпускают на волю
к апрелю... Такие дела...
И вот уже вьются над полем,

над лесом... Сложил в узелок
книг пару, сандалии, рубаху.
Мать плакала: «Как же, сынок...
куда ты... натерпимся страху,

ведь люди жестоки и злы». —
«Вот это поправить и надо!»
На память ощупал углы
прощальным как будто бы взглядом

и вышел. Слегка моросил
осенний проснувшийся дождик.
Мне б следом... да не было сил
тогда, обозначится позже

не братняя – высшая связь,
роднит что не кровью, а духом.
Мать хоть и с трудом унялась,
шепча лишь: «Вот ты и старуха...»

Так наша распалась семья,
святейшей считаясь некстати:
Иуда-брат, сестры да я
и (как там ее?) богоматерь

остались. Отец – не отец
покинул нас с этой загадкой...

Он вольно вздохнул наконец.
Кому-то покажется кратким

отмеренный путь, но вместить

тьму света, что нам как сквозь шелку!
Мне долго назначено жить —
не зря говорится, что толку!

Бывало, берешь на распил
бревно, весь в поту, на поверку —
лишь сучья. Когда б его пыл
улегся в какую-то мерку...

Причины не ведомы мне:
пал взгляд на Петра и Андрея,
что сети чинили, вполне
довольные жизнью евреи.

Рыбачили, чтили Закон;
что бог посылал, то на рынок
свозили. Какой им резон
таскаться босым по чужбине?

Что он им сказал, что они
работу забросили, близких?
Петр стал ему больше родни
тогда уже. Чтобы записки

какие-то... – тупо бубнил
по памяти братние речи,
перо не далось, но любил
до жути, до боли сердечной.

Никто так его не берег,
пылинки сдувая с одежи,
шептал ему на ночь: «Ты Бог,
но только добрей и моложе

того, что зовется Отцом».
Тот лишь улыбался неловко:
«Любовь поверяют концом,
а прочее все – подготовка». —

«Где будням скупым вопреки
зовешь нас прощать?» – «Не иначе».
И Петр сжимал кулаки:
«Где ж око за око?» – «Задача —

себя переделать, дай срок...» —
«Господь позабавился что ли?» —
«Ты думаешь, этот божок
еврейский – вся высшая воля?

Подвинься поближе к костру,
смотри, как играют стихии
огня...» Это только Петру,
не слышали чтоб остальные.

Тот мне, расставаясь, шептал:
«В бумагу впиши хоть полслова». —
«А сам?» — «Знать, каких-то начал
мне не дал суровый Иегова.» —

«Но брат с тобой столько...» — «Рассуд-
ком вряд ли...» — «Хотя бы основы». —
«Я свет его глаз понесу
до муки последней — крестовой».

Что скажешь... и вправду понес,
в жестоком конце не слукавил,
хотя и не смог перекося
унять — обозначился Павел

потом уж... Гонитель — и вдруг!
Савл шел от железной программы —
Христа вбить в параграфы, круг
замкнется: иконы да храмы...

А мы-то?. Тропинкой такой
Учитель вел... Быть бы крылатым!
Тогда еще жидкой толпой,
как овцы, шли следом куда-то,

считая украдкой гроши
на ужин. Округа темнела.
Он тихо сказал: «От души
не вера останется — дело

простое, казалось бы: скинь
оружье, не трогай чужого,
храни свою женщину, синь
небесную суетным словом

не пачкай, на то эта высь,
возможно, и Бог... без испуга
работой живи, не ленись.» —
«Всего-то?» — «Любите друг друга,

прощайте друг другу, едва
взыграет лишь искорка злости». —

«А знаменье?» – «Вам волшебства...
Мы все здесь случайные гости,

я скоро уйду насовсем,
когда не словами, то кровью
чтоб сдвинулось что-то, и с тем
остаться... Живите любовью!»

III

Как это – любовью?.. В кружок,
припомнилось, сели однажды
усталые, злые. Восток
уж тьмой затянуло, и каждый,

наверное, думу таил:
что вынесем с этой дороги
отчаянной, хватит ли сил
куда-то с ним... Сбитые ноги,

пустая сума да тряпье,
соплевшее с пота и пыли...
Он грустно: «Что слово мое,
когда ваши души сносились?»

Гляжу, поначалу поник,
шепча только: «Снова потери...»
Затем, пересиливши крик:
«Ну, что же... готовьте вечерю!»

Сел рядом. Расставил Фома
нехитрую снедь на подстилку.
«И вам бы – гремели б грома! —
Сказал. – Опустила копилка —

и скисли... Вот хлеб, кто в руке
удержит еще?.. Не берите ж
с избытком – идти налегке
способней. Запутаться в быте...

Я вас оторвал от него:
свобода первичней да пища
простая, был дух бы живой...
Те власти, те золота ищут —

глупцы... Что копить про запас —
снесешь лишь одно коромысло.
Пусть вечность не светит, от нас,
какому довериться смыслу,

зависит. Отбросьте же страх,
ищите путей настоящих,
творец – часть самих вас, в трудах
на небо глядите почаще,

там тучи подчас напролом
несутся – да что с этой прыти?
Как делится Солнце теплом,
любовью сердечно делитесь,

твердя неотступно другим:
блаженны не нищие духом,
а те, кто наполнены им,
чтоб двигаться дальше. А слухи,

что нам уготовано стать
спасителем мира от Рима —
оставьте... рать снова на рать...
Иная вам доля кроима:

суть веры нести по земле
в добро вне границ языковых
и прочих. Провижу во мгле,
какие вам светят оковы...

Но вышли, так вышли, череда
больших перемен на подходе.
А гнали пророков всегда,
такая уж тяга в народе —

при жизни проклясть и вознесть
по смерти. Спознавши и это,
трубите нетленную весть —
одним сохранится планета:

изменим себя – и уйдет
все зло, словно ржавь из металла.
Довольно, чтоб род шел на род,
идите хотя бы сначала

с любовью к вчерашним врагам,
кем наши подрезаны крылья,
чтоб щеку подставить... как вам
ни трудно, добром – не насильем

сольемся с природой, простор
терпенья ее у предела...
У вас же о суетном спор —
душе нужно больше, чем телу,

настолько... Но это потом
постигните, сами отмерив
дороги великим трудом
апостольским... Эту ж вечерю

храните и помните: след
останется только с любовью». **Вовек не забыть мне – рассвет
кровавый сошел на предгорья.**

IV

Деревья не гнулись под ветром,
дни в дрему вгоняла жара...
Что видел он дальше, чем смертным
дано? из какого нутра?

Терялась, петляя, дорога,
курился над сопками дым...
С каким разговаривал богом?
с пространством шептался каким?

Но вылечить эту проказу —
наверно, скорее просчет...
Матфей напридумает сказок,
Лука с Иоанном еще

покруче, мол, крах и геенна
да близящийся пересуд
посмертный... И это на смену
его откровенных минут!

«Любить всех людей без разбора, —
он грустно, – вам трудно пока.
Я знаю, готовит мне скоро
погибель из ваших рука...

Храм рухнет – «Какая забота!
Что мы-то с того соберем?» —
«Напрасно вы ждете чего-то,
ни богом не быть, ни царем

дано мне...» Упрямо сквозь веки
слеза просочилась. «Страда
моя подошла.» Человеком
таким, что уже никогда

не быть... Я влачусь безутешен —
почто не впитал с молоком:
бог всякий на страхе замешан —
свободно добро и легко,

как шло от него... Но откуда
та сила взялась – от семьи?
Полати одни и посуда —
свет миру один из восьми...

Но миру всегда не до слова,
ему бы каких-нибудь дел,
подсунут слепого, хромого:
«А что – исцелить бы сумел?!»

«Мессия... что дашь для примера?
дождя б хоть на первых порах...»
Скорей любопытство, чем вера,
сомненье в усталых глазах.

Где слушали, где и камнями
швыряли. Народ не готов:
«Чтить Бога – понятно, а с вами
куда? Наломаете дров,

а мы отвечай». Уводили
его от греха за село.
С тех пор уж исхожены мили,
а как на душе тяжело,

что не сберегли... Да и сами
все ждали зна-ме-нья – а вдруг!
Менял расхерачили в храме,
фанаты ж явились – испуг!

Как будто глазами слепыми
смотрели... Да что тут сказать!
Весна ли в Иерусалиме
расслабила... Если бы знать —

всего-то толпа хулиганов
с мечами, а больше с кольем.
Разбуженный сад Гефсимана...
И как же отдали живьем?!

Отключка какая-то, словно
свалил летаргический сон:
Петр трижды отрекся, неровно
бродя уж средь римских знамен...

И дальше как будто проспали:
Каифа, трусливый Пилат...
Теперь уж какие детали,
где каждый кругом виноват.

Не то, чтоб зубами вцепиться,
а тупо смотрели на крест...

Апостолы!.. Вижу, как птицы
сорвались с насиженных мест,

и черная тень по пригоркам
текла до последних минут.
Казалось, им наши разборки
земные до фени, но тут...

V

С чего задождило? Как чудо
случилось – в такую вот сушь!
Что после... Об этом не буду,
повылезла всякая чушь:

два ангела встали помпезно
с мечами, разъята стена...
А просто сказала: «Исчезло...» —
на утро Мария-жена

и, даже не вытерев слезы,
тихонько домой погребла.
Там холмик земли у березы,
где корни бегом от ствола...

А дождь разошелся, с неделю
месили под окнами грязь
облезлые куры. С апрелем
жизнь новая не началась,

все то же, ни шатко ни валко:
пьют, лаются, молятся – что ж,
мирская обычная свалка.
Но вдруг через этот галдеж:

«Ну, как вы там, братцы-евреи?» —
с завалинки будто опять. —
«Да так... я все глубже старею,
последняя вылезла прядь.

Братишка, несу через силу
твой улей, хоть пчел не рой...
Уж осень. Туманом обстило
скупые дороги твои.

Писаки, фанаты, прохвосты
пугают конечностью дней.
И щеку подставить не просто —
любить же намного трудней.

Порыв твой не дальше, не ближе —
и совесть продашь за пятак,
без этого, видно, не выжить...
А бога как не было, так...

Ужели уроки задаром,
что вера внутри, не во вне?
Подсидки, грызня за тиару,
за место у трона... По мне

о смерти твоей пересуды —
напрасная трата чернил.
При этом, кто больше Иуда —
кто выдал? А кто извратил!

Не то чтобы здесь, да и в Риме —
какую строку ни возьми,
все правы, божатся святыми...»
«Да будьте вы просто людьми!» —

и голос исчез, будто не был.

Года промелькнули, как сон...
Сидим полукругом, но хлебы
едва преломили – вновь он

тут, рядом, и духом, и плотью
среди осиротевших детей,
сандалии те же, лохмотья...
Вот разве следы от гвоздей.

Какие б тогда разговоры
могли о бессмертье вести:
«Коснется ли свет от Фавора
и прочих на этом пути?

Как строить ученье – скатиться
к подгнившим библейским задам?
Исчезнет с веками граница
меж богом с смертными там?

Откроются, может, секреты,
что люди пытаются у нас,
повязанных новым заветом?»
Ни слова... смешинка у глаз...

Подводят слова или память —
последнюю, вроде, между
кривлю ненароком, а я ведь
покаялся, что правду скажу.

Довольно! Что вылезет ночью,

об этом не стоит в отчет.
Приехали, ставлю отточье.
А дальше легенда течет...

И как в этом мире бескрылом
иначе? какая латынь?
Нет, вынести нам не по силам:
дойти до такой доброты,

любви, где нельзя без испуга
никак – дней всего-то в обрез,
где все пожирают друг друга
и кто-то смеется с небес...

Послесловие

Иаков устал. Оплывала
свеча на дощатом столе.
Чем глуше мерцают начала,
настойчивей клонит к земле.

Накинув хламиду на плечи,
лег. Вот и причалил ковчег.
Не знаю... надеюсь на встречу
не с богом – се был Человек!

Я что-то слепил, но загадка
на каплю не стала ясней...
Уж тьма надвигается. Шатко
среди обступивших теней.

Читаю – и странно: зачем Ты
теряешься с каждой строкой?
Довольно чуть сдвинуть акценты —
и вот уже кто-то другой.

А будут свидетелей толпы,
узнай тут, поверить кому.
Не в сказанном дело – что толку,
когда не созвучен Ему.

Да сам я?.. Припомнил о пастве,
оставленной им на авось.
Эпохи пройдут, государства —
а Слово несло и несло...

«Конечно, со смертью не умер.
Как ни было б вам тяжело,
Иаков, для «талифа, куми!»,
знать, время еще не пришло.

Чем больше духовной работы,
тем тоньше меж нами стена —
дерзайте!» – как выдохнул кто-то
и взмыл... И опять тишина.

В окошке прозрачен и светел
заката кровавый овал.
Иаков уснул. Тот же ветер
в осенней листве бушевал.

Еврейская баллада

Переселенья людского поток
то как цунами, то вялотекуще,
словно в природе. Хотя бы глоток
хрупкой надежды на райские кущи...

Где вы, герои дворовых баллад
с чудаковатых окраинных кровель
нищей Москвы, чьей беде невпопад
Рахманы, Бильдеры и Рабинович?

Часть населения, чьи деды, отцы
штопали жизнь по клоповым местечкам,
носик не римский, глаза – антрацит,
«эр» несурзное через словечко...

Валкой России осколки: Мешкат,
Эфраимсон, Асташкевич с Кажданом —
будто бы кто-то из вас виноват,
что сохранился, не выйдя в мараны

даже в погромы. Крушил самогон,
войны мели, навалился советский
душный барак – упирается он,
нессякаемый Сруль Жидовецкий.

Вновь поредевшим взмахнет хохолком,
братью мушиную сдует с окрошки,
если Господь и обидел ростком,
стайка детишек иная немножко.

«Лишь подрастают – и по городам
не торговать, не блажить, не портняжить,
все в институтах и – я тебе дам! —
Йоська, поганец, в писателях даже,» —

так он (лет сорок промчалось) вещал
в хатке хохляцкой у автовокзала.
Пригород тот же и мемориал —
что сосестер, что собратьев лежало!

Молодость... молодость... Где вы теперь
сели, какой ностальгией омыты —
та же ль мезуза вколочена в дверь?
те же ль соседские антисемиты?

Послевоенная ниточка дней —
знать, недопили властители крови...
Мы наливались от ваших корней,
Гинзбург, Гилод, Могилевский, Шахнович.
Выпало так: не Кулик, не Петров —
общей повязаны речью и роком.
Что же вас сдернуло, вроде, с основ,
за океан понесло ненароком?

Коднер, Малаховец, Кацанельсон...
не от зарплаты – скорей от обиды
тысячелетней... Что ж тычатся в сон
те же снежинки звездой Давида,

что укрывают российскую тишь,
уж не услышишь где вас, не увидишь?..
Топятся печи другими, но с крыш
тянется следом молитва на идиш.

К хаосу

Зависим ли – куда судьбе приспичит
забросить нас? в какой присест, прилег
в сплетениях времен, страстей, дорог
и наделив зачем-то горлом птичьим?

Что в нашей донкихотовской отваге —
нуждается она хоть в ком-нибудь,
чтоб обессмертить иль перечеркнуть
ее причуды на клочке бумаги?

Абсурдом обозвать ли чей-то опыт
иль это пляска строгая частиц,
где кружит карусель из тех же лиц
и тех же строк невысказанных шепот?

...По Питеру в припадке ностальгии
бродя, спустились как-то в тот подвал
давнишний пронинский, где пишущий знавал,
каким стихам сойти за чаевые.

Увы, дух испарился почему-то,
старинную посуду со стола
смели и не мелькнула в зеркалах
отставшая случайная минута.

Хотя бы зацепиться за какой-то
сигарный, пьяный, вымышленный мир:
начало века, скомканный ампир,
угрюмость толп и жалкая прослойка

богемы –ходимцы и таланты...
Еще вчера, столетие назад,
ты б мог войти в жирафствующий Чад —
в «Бродячий пес», в «Привал комедиантов».

Всего лет 20 до стези барачной,
но выбор есть – остаться ли, уйти,
ты молод, тебе нет тех 20-ти,
там ждут конца... Но ты еще не зачат,

все впереди: растрепанные книги,
кастальский обезвоженный ручей —
осколок пионерских лагерей
в подполье перевернутых религий.

Тебе б туда, где олонекким патлам
с рязянскими сплестись, где фрак и трость
от Цезаря, случайный Снежный гость
и царская горбинка Клеопатры —

где это все? куда кого размечет?..
Как не избыть из памяти пока
кровавые подвалы ВЧК —
игра вслепую та же: в чет и нечет.

Но та страна была? и нам не снится,
пускай сейчас понуро и мертво —
когда-то здесь дышало естество
поэзии с горбинкою царицы?

То Высший Хаос был, девятый вал
стихии масс ворвался в праздность пауз —
платить счета... Ты снова опоздал
на пир чумы – остался пошлый хаос?

...Мы вышли, приотставшая чета,
съезжая с ритма в мелочи событий,
жизнь вновь текла, хотя уже не та,
пусть впереди кроился бродский Питер,

а там иной, возможно, и бог весть,
в какой абсурд сместятся формы, темы
мостов, каналов, рек... Да город есть,
опять гудит толпа – а где богема?

Счета давно оплачены и как!..
Что ж... вместо вдохновенного бомонда
с горбинкой царской – тот же рабский стяг
и серая полоска горизонта.

Вторая половина

Жене

Мечтать о цельности смешно —
в природе все двойко.
Когда отсыпано зерно,
какого ищешь злака

другого, тоже своего,
хотя с иной подкладкой?
Второе, вроде, естество,
что прячется украдкой...

Судьба мне дочь не принесла
к двум сыновьям впридачу,
что ж, не случилось... проспала...
такая незадача.

И втуне пропадал талант,
коль не было привычки:
не расправлял воздушный бант,
не заплетал косички,
не гладил юбочек и щек
не целовал пунцовых,
не выдал замуж – спал сверчок
под печкой изразцовой.

Роптать напрасно – что дано
не растрясти б дорогой,
пригубив терпкое вино,
лишь охмелеть немного.

Жизнь мчится мигом, как во сне,
мечталось где, любилось,
но что-то лучшее во мне
так не осуществилось...

А как милы мне невпопад
сквозь утреннюю спешку
твой в зеркале, что бритва, взгляд,
лукавая усмешка,

чуть тронешь губы и глаза
каким-то легким вскрыльем
тем самым, женским... Что сказать —
напрасные усилья.

Я никогда не смог бы сам,
тут нечего прибавить,
вот так рукой по волосам,
и кофточку поправить...

Стою, болван, с открытым ртом —
откуда что берется,
когда бы разумом, трудом!
а что на дне колодца...

Вот мне бы, думаю, хоть пядь
такой вот хрупкой воли...
Мальчишкам вряд ли передать,
была бы дочь хоть что ли!

И жаль, когда уйдет во вне,
в какие-то глубины,
возможно, лучшая во мне
вторая половина.

Рефрены Ветер поэзии

Ветер поэзии... Буря ли, лесоповал,
смерч ли тунгусский сквозь пошлую нашу аскезу —
словно прибой, он топтался, роился, взмывал
зовом сирен или рвущей простор марсельезой.

Что в тех словах... Ну, подумаешь, в рифму, в размер,
или какая метафора втиснется сдуру.
Ранние весны прошли... «Никаких полумер!
Только позволь ее выпустить!» – выла цензура.

Резали, жгли, запрещали... Тогда самиздат
крался ночами, пророчески строки звучали.
Ветер поэзии... Он проносился и над
теми, что с воском в ушах – и к непрочным началам

воли словесной хоть... Как прихотлива мечта:
вдруг повенчали Петрарку свалаявшимся лавром
в прибранном Риме. Натужная слава, но та,
к нам заглянув, подкосила беспечного мавра.

Пуля нашла и второго, чей парус на час
вырвался в море, играя измышленным светом.
Той ворожбы до сих пор не утратил Кавказ,
столько еще положив на распятье поэтов.

Дальше ирония гуще: кто по лагерям,
кто по чужбине, а кто задохнулся в молчанке.
Ветер поэзии... Как же состарился храм,
как обветшал – и знакомым Бутырке с Таганкой

нечего делать. Какой теперь ямбам разбой —
вата мещанства с головкой накрыла крамолу
слова звенящего, даже великий изгой
не разбудил. Не хватило и тут валидола...

Как это вышло – могучую тягу снесло
то ли в попсу, то ли в вязкую топь интернета.
Ветер поэзии... Чайке сломали крыло,
еле хромает на взморье – осталось хоть это.

Старый Парнас без ревнителей вовсе угас,
новому долго расти у облезлого края
непониманья. Уж власть не пугается нас:

нынче поэтов не трогают – их не читают.

Дышащий космос

Дышащий космос качал и качал без корысти
волны наитий святых сквозь магнитную пыль,
толщи людские сновали с подобием истин,
зыбкую муть превращая в такую же былъ,

свитки свои заполняла, смеясь, Каллиопа
детской игрой за границы дерущихся стран,
кто-то вещал о грядущем закате Европы,
кто-то в Америку плыл, растолкав океан,

Африка, даже проснувшись, блуждала в протоках
гулкой эпохи, где годы слетают за миг —
круг продвигался к истоку, набухнув Востоком
в очередных декорациях книги из книг,

той, что веками служила стеною и мыслью
входа и выхода, пусть второпях, наугад,
дерзкий народ препирался с растерянной высью,
сам испытал, что поэзия выше, поэзия над

временем и суетою царей и пророков,
«Песнею песней» врываясь в нагаданный смог,
что нарекали судьбою ли, кармою, роком,
что вмещалось, как выдох, в трехбуквие б-о-г...

Дышащий космос... Весна колебаний роптала,
брызги любви отчисляя абсурду взамен,
мифы уже не вмещались в сухие лекала
скучных жрецов, исчерпавших раскрашенный тлен,

прежние духи от жертв перекормленных гасли,
новые волей иной наполнялись стремглав...
Дышащий космос... Мы тоже припутались к счастью,
в сутолке улиц кружились, друг друга обняв,

клен и рябина, частиц неисчетных частицы,
слившись случайно на хрупкий по вечности миг.
Вот вам и бог... Ну, а если кому приблизится
что-то еще – то из умных, просроченных книг.

Можно бродить среди этих манящих развалин
иль нигилистом промчаться, вопя и круша.
Дышащий космос... Скорее он материален,
как и, черпнув бестелесности, наша душа,

жизни глоточек, конечно, не полная чаша —
просто играющий судьбами шахматный блиц.
Дышащий космос... И что ему выдумки наши,
наших страстей разливанное море страниц

через суету и беспечные сны голубые,
преданность почве и странную тягу во вне...
Видимо, сам он такая же в общем стихия:
я в нем сгораю, и он полыхает во мне,

это сближенье, круженье, крушенье – дорога
в ту беспредельность, которую не опознать...
Ту же пораболу ритма, что названа Богом,
временем, космос качал, и лилась благодать.

21-е января того года

Русские страсти... Вновь поверх земли
только поземка мела сообразно
истине. Толпы колоннами шли
в очередном ослепленье соблазном.

День не задался, опять календарь
перекроил приказные угрозы:
как ни старались, не плакал январь,
будто назло огрызаясь морозом...

Впавший в младенчество, вождь умирал
на охраняемой теми же даче,
что породил он, где каждый фискал
словно выхаркивал: сам это начал —

жизненный круг в угловатость идей
впихивать яростно... Даже котенку
явно, как в этой игре ни потей,
всех невозможно сравнять под гребенку,

выполоть разве пласты, как траву,
прямо под корень... И лихо косили,
так что не ясно уже самому —
как и кого осчастливить насильем?

Сделал, что смог... И уже кровенел
опыт (когда б он застрял на бумаге..).
Вспомнилось детство: «Куда ты, пострел?!»
Некого первым... – Все дело в отваге,

дальше же проще... – Не видно ни зги.
С измальства, вроде, учили чему-то...
делай добро! – Но сплошные враги!
Я ведь как лучше... Откуда же смута:

что натворил-то! Скорее назад
в майский Симбирск и на ручки бы к маме!..
Где-то читал: Робеспьер и Марат...
Мы ведь за ними, по той же программе:

мало ли что от природы дано —
вот бы раздуть на костях пепелище!
Годы мелькают – все то же кино:
сытость Женевы, российская нищность...

Как-то подумалось: не дилетант
сам ли, что кроюсь одним только Марксом?
Не было времени... да и талант
переворачивать нравился массам.

Съезды, подполье, германский состав,
Питер, октябрь – и тюремные Горки!..
Речи, расправы, железный устав,
а под ногами сюсюкает Горький:

«Церкви не надо бы... интеллиге...» —
«Этих подрясников! Вырастет склока.» —
«Хоть по закону...» – «Не гнуться в пурге —
опыт Коммуны.» – «Нет, опыт Востока.»

Голод и споры о НЭПе... Плющом
гроб уберут... Коба смотрит по-рысьи...
День от крещенья второй... Я крещен! —
ухнуло разом спасительной мыслью:

здесь мы минуты, здесь только пролог —
там естество, никаких революций...
Буквам подруга учила: бэ – о – г...
что если снова ребенком проснуться!?

«Наденька... Надя... скорей за попом!»
Та хоронила тетрадки каракуль:
«Поздно, Володя...» Накатывал ком.
«В землю б обратно...» Готовилась рака.

Видно, никак не сбежать от начал
даже при дьявольстве эксперимента...
Впавший в младенчество, вождь умирал.
Толпы слепые рыдали зачем-то.

По следам пилигримов (перечитывая дневники)

*Хотя каждый ручеек мудрости течет по своему проторенному
железобку, но вместе они стекаются в один неоглядный поток.
Вот бы за ними! Ведь так глупо медлить или просто
отворачиваться,
а еще глупее пытаться разделить их. Это почти то же, что
пробовать
рассорить реки или нарочито не замечать океан.*

I

Опять с пустотою один-на-один,
поставив скупые пределы:
забыться б, замкнуться средь книг и картин,
пусть мечется рой оголтелый —

что нам-то... Казалось, мы выше, мы над
извечной возни муравьиной,
как Фауст. А будни ползли наугад,
минуя живые стремнины,

о коих знавали, хоть подлый режим
припрятал – да черт с ним, с режимом!
Вот так и случились, где край различим
крушенья все-го... Пилигримы,

прошедшие раньше тем срывом, зовут
теперь и тебя на служенье
застывшему миру, где воля да труд
хотя бы подобье движенья,

которым все реки текут по своим
прорытым отчаяньем руслам,
которым над избами курится дым
и в редких просветах искусство

живительным, тонким, капризным лучом —
на общем ходу перемога...
Что выйdet в итоге – по смерти сочтем,
здесь некогда, снова дорога,

привал затянулся, уже корешок
прокрался в соблазн неучастья,
в чулане пылится походный мешок,

да только не высидишь счастья,

и даже молитвой смешно вопрошать —
вдруг кто-то с готовою сутью...

Лишь, сбросивши шкуру, опять и опять
на те же пути-перепутья.

II

Неважно, что показывают часы и что говорят и делают люди. Когда я бодрствую и во мне брезжит свет – тогда и утро. Нравственное совершенствование – это попытка стряхнуть сон.

Генри Торо

Высоты гражданства забыты, рекорд
вот разве мощною могли бы
поставить: что Бостон – наивный Конкорд
втянулся в погоню за прибыль.

Одно побуждение, один интерес
и в юной стране спозаранку:
куда-то потянется ржавый прогресс
с железной дорогой и банком?

Былая свобода приткнулась не там,
где клятву давали на братство,
иной лихорадкой греметь поездам,
коль равенство смыто богатством.

Рабы, что бежали в Канаду, гремя
цепями, бредут чуть живые

обратно на юг, где своя матросня
крушит Золотую Софию.

Что скажет теперь романтический дух,
какое последнее слово,
коль Новая Англия разве на слух
наивно покажется новой?

Пиши, не пиши – твое робкое «нет»
не дальше того околотка,
что дал тебе выбор: созреет ответ,
едва зацепила чахотка?

Угар пневмонии – куда-то бежать,
как сказывал старый профессор...
Книг связка, лопата, мотыга, тетрадь,
из ящичков домик, что к лесу

спиной, а фасадом на озеро, на

всходящее по утру знамя
естественной жизни, когда из окна
все то, что оставлено нами,

забито, забыто, затаскано, за-
мучено в каменных одах
сухих городов... Здесь откроешь глаза —
а в них золотится Уолден,

когда-то индейские тропы, травой
заросшие аж по колени...
Союз созерцательной и трудовой —
вот к богу простые ступени.

Ты молод еще, пусть твои рубежи
хоть тоже не дальше ограды,
пойдут, не пойдут за тобой — докажи,
по совести много не надо:

капризный едва заполющется май,
спеши встрепенуться с рассветом,
зверья не спугнув, осторожно копай,
двудольные сея под лето

по старой, но верной заботам стерне,
оставленной кем-то из прочих...
«Молчания мир не доверил и мне,» —
горланила выпь среди ночи,

чтоб нам не забылся природы язык,
чтоб тоже упрямо вращали
в готовую почву, откуда дневник
и твой разворачивал дали,

куда устремится космический зонт
всего через пару столетий...
Вот только уходит опять горизонт,
когда побужденья не эти.

III

Спрашивать надо: не зачем я живу, а что мне делать.
Лев Толстой

Все уже тропинка, все ближе края
абсурда какого-то что ли...
Да нет! это совесть больная твоя,
которую столько неволил.

А начал в Казани мальчишкой еще
с потугами на камилфотство,
потом был Кавказ, Севастополь, расчет
на славу, а вышло сиротство.

Один... Что учительство – было б чему
учить, не скатиться бы к фальши...
Тома сколотил – и куда самому?
На каплю продвинулся дальше?

Все уже тропинка, все круче подъем,
да где она, точка отсчета?
Когда-то с подругой мы плыли вдвоем,
теперь притомилась чего-то,

повыросли дети, подвлял Гименей,
а все не готова по воле
расстаться с добром, отойти поскорей
к мужицкой избе и застолю

не графскому... Стыдно! Пытался не раз
сбежать, но зачем же так громко?
Блокнот рукотворный опять под матрас,
а там пусть рассудят потомки...

Не спится, не снится, и ноги зудят —
что ноги! душа неспокойна:
как будто типичный семейный разлад
вошел в социальные войны.

Казалось бы, истину в Ясной возрастил —
а что, если видимость только?
Десятков за 8, но хватит ли сил
смирненно разыгрывать рольку

достойно сходящего мужа, отца
с враньем покаянного вздоха?
Посмертная свалится маска с лица —
и ахнет глухая эпоха!

Но это возможно под осень – пока
с трудом перетерпится, старче,
лишь сердце кровит по полям дневника
да свет разгорается ярче.

Хоть в этот апрель ни луча, ни тепла,
дойдет лишь, снежит неумно —
постой, жизнь к итогу еще не пришла,
успеешь бегом по вагонам.

Тебе ли не знать, что родится из смут
жестокая, глупая драка,
что в эти же двери тебя принесут
отпавшие дети, Иаков,

и так же до щелочки сдвинется ширь,
все тем же решится задача:
завоет, стада распродавши, Рахиль
и будут соседи судачить.

Дождись октября хоть бы, там листопад
следы заметет ненасильем. . .
Не спится, не снится, и ноги зудят —
знать, все не подрезаны крылья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.